

Глава 1

Игра была идеей Ру. Больше, чем идеей. Тщательно выверенным планом. Она сама зарядила этот пистолет, и, хотя попыталась учесть и сопутствующий ущерб, прицелилась прямо в меня. Игра называлась «Мой худший поступок за сегодня».

Я никогда не слышала о такой. Никто из нас не слышал. Мало ли как стали развлекаться на пьяных вечеринках, когда «Правда или действие» утратила популярность. Должно быть, в этой игре могут безо всякого страха участвовать только школьницы, чей худший поступок — показать лифчик симпатичному мальчику или назвать сестру плохим словом.

Если бы мы только знали.

Мы были взрослыми женщинами, и мы хранили свои худшие поступки в глубоких ящиках. У нас были дети, и мы запихивали эти ящики под пресс работы, ипотеки, меню на неделю. От детей такие вещи нужно держать подальше.

Ру три раза громко постучала в дверь, хотя у нас, конечно же, был звонок. Все, кого мы ждали, пришли

по меньшей мере двадцать минут назад. Шарлотта с подносами в руках застыла у лестницы и спросила:

— Кто, чёрт возьми, это может быть?

Клуб был полон. Пришли все постоянные участники и даже несколько новых.

— Я выясню. Иди куда шла.

Я открыла дверь новой соседке. За ее спиной поднималась полная луна, как будто толкая в плечо. В серебристом сиянии, мягком, дрожащем, казалось, будто соседка вышла из подводного мира под яично-жёлтый свет фонаря над нашим крыльцом.

Я узнала её по волосам, идеально прямым, идеально чёрным, доходившим до лопаток. Она недавно поселилась в доме, бывшем предметом ненависти всех обитателей Шарлоттиногo переулка. На редкость уродливом доме с провалившейся крышей, который мой муж Дэвис прозвал домиком Спрайта за ядовитую жёлто-зелёную краску. Шарлотта в своём репортаже о съехавших и въехавших жильцах называла эту женщину «Шероволосая», в честь певицы Шер.

Ещё Шарлотта называла её красивой, но она была не просто красивой. Она была из тех, кого показывают по телевизору. Безукоризненные черты, матовая кожа и стройная, спортивная фигура, вынудившая меня сокрушаться о собственной. От лишнего веса я страдала лишь в подростковом возрасте, но сейчас, глядя на неё, почувствовала, как меня разнесло после родов.

Ни кошелька, ни книги, ни бутылки вина, ни гостинца. Ни, между прочим, бюстгальтера. На ней было плотно облегающее длинное платье без рукавов, над ключицей татуировка — крошечная стая птиц.

Она улыбнулась, и я, не почувствовав никакой угрозы, улыбнулась в ответ. Она не казалась опасной. Скорее... крутой.

Странная мысль. Мне сорок два года, слово «крутой» я давно уступила дочери. Но всё-таки мне вспомнилось именно оно, и смутное чувство, которое шевельнулось в груди, было лишь началом чего-то интересного.

Оливер уже переходил на твёрдую пищу, и гормоны, баюкавшие меня, пока я кормила его грудью, отпускали. Теперь мне хотелось перемен, и, глядя на эту воплощённую угрозу у себя на пороге, я надеялась, что она пришла по адресу. Какой глупой я была!

Она спросила:

— Здесь собрание книжного клуба?

— Да, все верно. Эми Уэй, — я протянула ей руку. Хватка оказалась крепкой, она сжала мою ладонь дважды, и это показалось мне до нелепости официальным.

— Я Анжелика, — сказала она, — но все называют меня Ру.

— Ру? — удивилась я. — А где Кенга?

— Кенга не придёт, Кристофер Робин, — она хихикнула. Губы у неё были полные, очень бледные. Ни блеска, ни помады, зато глаза щедро подведены и накрашены. Блестящие чёрные волосы, разделённые на пробор, подчёркивали идеальный овал лица. — Это просто моя фамилия. Французская. С иксом на конце.

Я знала, как переводится это слово. Подливка из муки, поджаренной в масле.

— Ты прочитала «Дом Мирта»*? — спросила я, широко распахивая дверь.

— Конечно, — ответила Ру и вошла.

Было почти восемь. Обычно мы час болтали, час обсуждали книгу, и в девять пятнадцать-девять тридцать расходились по домам, чуть подвыпив, чуть поумнев, чуть ближе сдружившись с соседскими мамашами.

— Ты из жёлто-зелёного дома? — спросила я, желая убедиться, что это она. Шарлотта говорила, что Шеро-волосая одна воспитывает сына, которому достаточно лет, чтобы сесть за руль. Но и в ярком свете она казалась чуть старше тридцати. Ужасно молодая для матери старшекласника.

— Да, это я, — сказала она. Я подвела её к лестнице, ведущей в подвал.

— Рада, что ты пришла. Этот дом обычно сдаётся на короткий срок, так что жильцы нечасто приходят в наш клуб.

— Я пока не знаю, сколько тут пробуду. Я здесь по работе. Хочу с кем-нибудь познакомиться.

Мы стали спускаться по лестнице.

— А чем ты занимаешься?

Она посмотрела вниз, не ответив на мой вопрос.

— А эта... как её там — она моя соседка?

Шарлотта стояла у ступенек и смотрела на меня в отчаянии.

— Шарлотта, — подсказала я. — Не знаю. Сейчас найду кого-нибудь, кто всем тебя представит.

* Роман Эдит Уортон (1905).

Я иду искать

— Не надо, — ответила Ру и проплыла мимо меня в самую гущу толпы, чтобы самой всем представиться. Едва она скрылась из виду, Шарлотта затараторила:

— Ещё и Шероловая! Теперь тут двадцать один человек, не считая нас, и никому в голову не придёт, что стульев мало. Мне нельзя таскать стулья! — она принялась поправлять волосы и стала похожа на нервную полевую мышь, чистящую уши.

— Её зовут Ру, и, конечно, никто не доверит беременной таскать стулья. Расслабься! Я сама принесу.

Вид у Шарлотты всё равно был испуганный — на то она и Шарлотта. К тому же клубом заправляла именно она. Решила его организовать, осознав в тот момент, когда Руби начала ползать, что с самых родов не прочитала ни одной книги.

— Ребёнок сожрал мой мозг! — кричала она. — Ладно книги, но я уже не помню, когда в последний раз мыла голову!

По ней было видно, что давно, но я оставила свои мысли при себе и согласилась посидеть с малышкой, пока Шар придумывала листовки и распихивала по всем почтовым ящикам. Она назвала свой проект «Зомби-мамы» — жуткое название, но по крайней мере я отговорила её от «Клуба отупевших». По всей видимости, в маркетинге она разбиралась получше меня — листовка и название привлекли участниц. Почти все были её возраста, у всех маленькие дети — у кого-то совсем малыши, у кого-то дошкольники или младшие школьники. Я была тут старше всех, некоторых аж на двадцать лет.

До того как родился Оливер, я не особенно хорошо их знала — в основном по сплетням, услышанным от Шарлотты во время ежедневных прогулок. До этого

я лишь иногда играла в настолки с мамами средних лет, уже миновавшими этап подгузников и кормления грудью. Они резались в кости, довольно много выпивали и на полном серьёзе обсуждали тяготы переходного возраста: марихуану, контрацепцию, поступление в колледж. Будучи приёмной матерью подростка, я нуждалась в этой компании. Теперь же мне было лучше здесь, так что я предоставила Шарлотте свой подвал и талант к перетаскиванию стульев.

— Тащи три. Тащи четыре. Хотя бы три, — командовала Шарлотта, пытаюсь пересчитать всех женщин. Я протянула ей стопку бумажек с вопросами для обсуждения и пошла за стульями. Каждый раз, возвращаясь с очередной добычей, я украдкой посматривала на новенькую. Ру явно чувствовала себя в своей тарелке, легко переходила от группы к группе, и все, кто с ней общался, улыбались чуть шире, смеялись чуть громче. Они старались её впечатлить, и я не могла винить их. Ру казалась такой интересной — по ней видно было, что в её загранпаспорте куча штампов, что она знает, как приготовить пате, что у неё был секс в машине на полном ходу. Может быть, даже по дороге сюда.

Последний стул я притащила, как раз когда Ру пожимала руку Тейт Бонакко. Я остановилась, не в силах отвести взгляд. Я ничего не могла с собой поделать. Тейт считалась красавицей в старших классах и до сих пор не смогла избавиться от этого образа, так что вносила в нашу компанию дух школьной столовой. За глаза она звала меня питбулем — за короткие светлые волосы и коренастую фигуру, но ещё и потому, что я помешала её путчу. Когда наша компания переросла

маленький домик Шар, Тейт предложила к нашим услугам свою берлогу.

— Руководство я тоже возьму на себя, пусть Шарлотта отдохнёт, — ворковала она, уверенная, что делает той большое одолжение. Но я быстро всё это прекратила, во всеуслышание объявив, что Тейт намерена подмять клуб под себя, когда Шар уже сделала всё, чтобы его раскрутить, и что если она его возглавит, мы будем читать только биографии семейства Кардашьян.

Может, это было и свинство, но лишить Шар клуба означало разбить ей сердце. В конце концов мы переместились в мой большой подвал, и всем по-прежнему управляла Шар. И теперь я не могла сдерживать злорадной улыбки, видя, как симпатичная, но вполне заурядная Тейт теряется на фоне экзотичной Ру. Тейт выпрямила спину, пригладила волосы, извинившись, направилась в ванную, откуда вернулась две минуты спустя, успев накрасить губы и завязать узлом футболку, чтобы продемонстрировать плоский загорелый живот.

Шарлотта постучала ложкой по бокалу, желая привлечь всеобщее внимание, потом стала этой же ложкой указывать, кому где сесть. Но, к сожалению, Ру, стоявшая возле кожаного кресла, даже не посмотрела на неё. Она опустилась в это кресло — самое высокое, во главе стола — которое обычно занимала Шарлотта. Когда Шар отвела глаза от толпы дамочек и увидела, что её место занято, её как будто током ударило. Я села на стул, который притащила из столовой и поставила у камина, и жестом подозвала Шарлотту к себе.

— Если честно, — шепнула она, садясь рядом, — хоть она и не в курсе, мне всё-таки кажется, это неспроста.

Тут же образовалось небольшое столпотворение, потому что пятеро женщин захотели занять места возле Ру.

— В следующий раз повешу на стулья таблички, — пообещала я, и Шарлотта просияла. Ей нравилось, когда всё шло по плану.

Впрочем, подумала я, вряд ли в этом есть необходимость. Ру, которая снимает квартиру в жутком доме и не носит лифчика, Ру с татуировкой в виде птичьей стаи вряд ли вернётся. Она была совсем не похожа на женщин, которые обсуждают приучение малышей к горшку и классическую литературу на примитивном уровне. Скорее уж она вступит в клуб игроков в кости, а может, никуда и не вступит, потому что надолго тут не задержится.

Последними уселись Тейт и Панда Гриер, кое-как разместившись на скамейке для пианино — пока они бегали к бару за последним глотком вина, все места уже заняли. Шарлотта вручила соседке стопку бумажек с вопросами, сказав:

— Возьми одну и передай по кругу.

Эти вопросы она брала со всевозможных сайтов.

— Итак, кто уже дочитал «Дом Мирта?»

Почти все женщины подняли руки, и я в том числе.

Шарлотта широко улыбнулась, но я понимала — большинство врёт. Я так точно. Вернее, я прочитала большую часть, но всю прошлую ночь Оливеру не спалось, а когда мне наконец удалось его укачать, его тельце у меня на груди, тёплое, как картошка в мундире, и вкусно пахнущая лысая голова оказались такими уютными, что я тоже уснула. Мы оба спали долго и крепко. Мэдисон помогла мне с обедом, а Дэвис помыл посуду,

так что мне удалось посмотреть в Википедии, чем кончился роман.

— Кто прочитал хотя бы большую часть? — спросила Шар. На этот раз все подняли руки, в том числе и Ру. — Отлично, но если вы не дочитали, предупреждаю: сейчас будут спойлеры.

— О боже, Лили Барт умрёт? — пискнула сентиментальная Шеридан Блейк, только что узнавшая об этом из бумажки с вопросами.

— Прежде чем мы начнём, я хочу вам представить новенькую, — сказала Шарлотта. — Она пришла к нам в первый раз. Давайте поприветствуем... хм, Ру.

Все замурлыкали: привет, привет, а Тейт что-то шепнула на ухо Панде. Панда кивнула, но с меньшим энтузиазмом, чем обычно. Ей достались не в меру упитанная фигура, простое, но милое лицо и очень симпатичный муж. Как только Бонакко переехали сюда, она сразу же навязалась к Тейт в лучшие подруги, готовая каждое утро приносить ей фрукты и кофе. По всей видимости, Тейт представлялась Панде раскалённым вулканом, полным страсти, который в любую минуту мог взорваться и залить лавой супружескую жизнь Гриеров.

Но теперь появилась Ру, бездна вот-вот готова была разверзнуться, и шерсть Тейт уже встала дыбом. Панда не смогла бы служить обеим богиням, а мне, как жительнице маленького городка, было интересно, куда это приведёт. Скорее всего, подумала я, она выберет свою соседку Тейт. Домик Спрайта, по крайней мере, находился в четырёх кварталах от прекрасного мистера Гриера.

— Привет, — сказала Ру. — Может, вы тоже представитесь?

Она сильно растягивала гласные, хотя Пенсакола (штат Флорида) находилась между океаном и Алабамой. Почти у половины моих соседей было тягучее произношение, но не такое, как у Ру.

— Давайте вы по кругу расскажете о себе. Я хочу узнать, кто вы, — может быть, она много лет прожила на юге.

Шарлотта ощутимо пихнула меня локтём, возмущённая таким нарушением правил.

— Ну, мы все и так друг друга знаем. И у нас всего час, — сказала Шарлотта таким сладким голосом, что я сразу заметила неладное. Людей, готовых в своих личных интересах помешать работе клуба, она терпеть не могла. Шар была одержима идеей справедливости. Может, за это я её и любила. Мир вокруг очевидно несправедлив, но Шарлотта была похожа на девочку с красным ведёрком, уверенную, что с его помощью она сможет распределить воду поровну по всем мировым океанам. Решив поддержать её, я добавила:

— К тому же сегодня собралась такая толпа — разве ты запомнишь все имена? Если будешь к нам приходить, понемногу всех узнаешь.

— Ты права. Всех я не запомню, — Ру улыбнулась Шар, та улыбнулась в ответ и хотела что-то сказать, но Ру ей не дала. Она смотрела прямо на Панду. — Ты Панда, верно? Это я запомнила. Потому что это неожиданно и потому что ты такая смешная, — улыбка Тейт превратилась в оскал, Панда зарделась от удовольствия. — Но ты никакая не панда. С такими шикарными скулами и таким чувством юмора! Хитрюга, хитрюга! Лиса, вот ты кто.

Она придвинулась ближе, как будто Панда Гриер, чьи «шикарные» скулы были почти не видны, и впрямь могла быть такой уж интересной. Не могла. И никто из нас не мог. Мы были просто обыкновенными женщинами, живущими возле колледжа в небольшом городке у моря. Жёны и матери, стажёры и администраторы, учителя и библиотекари. Интересной была лишь Ру, упиравшаяся локтями в колени, широко расставившая ноги, между ними повисла пышная юбка. Бёдра у неё были стройные и очень бледные, на ногах — потёртые ковбойские сапоги. Я ощущала её харизму, которая ворвалась в комнату, словно ветер, и сдула нас с насиженных мест.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Панда, всё ещё красная от смущения. — Меня должны были назвать Лиса?

— Вовсе нет, — ответила Ру. — Просто ты и есть лиса. Это твоё тотемное животное, — она сказала это, как давно известный факт. Будто у всех этих мамаш, сжимавших в руках листочки с вопросами и книги в бумажных обложках, лежали под стульями тотемные животные, а не дизайнерские кожаные сумки, купленные по дешёвке в «Ти-джей Макс» спустя три сезона после того, как вошли в моду. Я не сомневалась — чтобы посчитать здешних женщин, которые общались со своими тотемными животными, мне хватило бы одного пальца. И именно эта женщина сейчас говорила. — Давайте вот что сделаем. Вместо обычной и — ты совершенно права, Шарлотта — бесполезной информации о себе, каждая назовёт своё тотемное животное, и это я запомню.

Женщины повернулись друг к другу, по комнате волнами прошли напряжение и шёпот. Если Ру будет

слушать, они хотели говорить. Они хотели иметь тотемных животных, хотели их обсуждать. Мне тоже передалось всеобщее возбуждение, но это был клуб Шарлотты, а она — моя лучшая подруга. Лицо Тесс Робертс сияло, Лидди Слей, напротив, явно чувствовала себя неловко, искала спасения. Тейт насупилась и послала Шар сигналы, чтобы та прекратила этот цирк. Все мы колебались, будто стояли на вершине горы и лёгкий порыв ветра мог сдуть нас куда угодно. Ру повернулась к Шейле, сидевшей справа от неё.

— Лила? Нет, Шейла. Какое ты животное?

— Тигрица, — быстро ответила Шейла, и все мы почувствовали намёк.

— Вижу! У тебя такие жёлтые глаза, ты прирождённая охотница, — ответила Ру, и по комнате прошёл одобрительный шёпот. У Шейлы и в самом деле были тигриные глаза, но никто этого не замечал, пока Ру не сказала. — Говорите, говорите, я всё слышу, — с этими словами она поднялась и пошла к бару. Она вернулась с оставшимися бутылками, хотя обычно мы не подливали себе, когда обсуждали книги, а лишь допивали то, что оставалось в бокалах. Ру поставила бутылки на чайный столик, а Лавонда Гэффни тем временем объявила себя рыбой-львом.

Вновь ощутив толчок локтём, я сочувственно посмотрела на Шарлотту. Она переживала тяжёлый первый триместр, и из-за тошноты её нервы были натянуты до предела, больше, чем когда бы то ни было. После Лавонды Тесс своим грубым, как у гусыни, голосом заявила, что она воробей, а Ру открутила у всех бутылок крышки. Затем представилась Лиза Фентон и сказала:

Я иду искать

— Я живу в красном кирпичном доме, между твоим и Шарлоттиным. Будет нужен сахар или яйца, заходи. А что касается животного, не могу сказать так сразу. Надо подумать.

Ру с двумя бутылками в руках обходила стол. Кивнув Тейт, вежливо, как официантка, спросила:

— Красное или белое?

— Да это терроризм какой-то! — шепнула мне Шарлотта. Я виновато пожала плечами.

— Мне кажется, ты ястреб. Вот! — заявила Шеридан Блейк. Ру кивнула, наполняя очередной бокал до краёв.

— Да, совершенно точно.

Лиза просияла от удовольствия и сказала:

— Ну да, с тремя детьми младше пяти лет приходится ястребом. Я всё вижу!

Я сжала руку Шарлотты, желая её успокоить, а Хлоя Фишер тем временем объявила своим тотемным животным медведицу.

— Или, может, я кроншнеп? — она посмотрела на Ру, надеясь, что та прояснит ситуацию.

— Кто такой кроншнеп? — спросила Панда, и тут же начался целый цикл лекций о болотных птицах, и все пили, пили, пили.

— Определённо, медведица, — в конце концов решила Ру. — Просто ты хрупкая, и сразу не скажешь, что в тебе живёт медведь. Но это так.

Наклонившись к самому моему уху, Шар прошептала:

— Медведица, ты слышала? Да Хлоя Фишер просто мартышка. Мы тут все мартышки. Эта женщина нарядила нас в колпачки и заставила плясать. И как ей удалось?

Я не знала. Ничто не могло нарушить строгие правила Шарлоттинового клуба. Ничто не могло нарушить строгие правила Шарлоттинового чего бы то ни было, и, хотя я очень её любила, мне казалось, что сегодняшний вечер пойдёт ей на пользу. Я ничего не могла с собой поделаться.

Застенчивая Элли Уайтакер, щурясь из-под чёлки, сказала, что глубоко внутри она тоже тигрица. Очень, очень глубоко.

— Ага, у тебя острые зубки. Я их вижу, — сказала Ру, и Элли даже заёрзала от радости. Шар то и дело смотрела на часы, чувствуя, как утекает бесценное время, пока женщины выбирали себе животных и опустошали бокалы, в которые щедро подливала Ру. Я знала, ей не терпится поговорить о прекрасной Лили Барт на пути к роковой гибели, но час уже почти прошёл, а мы не добрались даже до вопросов.

Ру подливала и подливала, подзадоривала женщин, и они уже начали перебивать друг друга — все внезапно стали пираньями, и пантерами, и павлинами. Единственным павлином среди нас можно было назвать лишь Тейт Бонакко с её пухлыми губами и, по мнению Шарлотты, накачанными сиськами. Да и то павлином из зоопарка.

Все мы, по правде говоря, были домашними зверюшками, кроме Ру. Она своё тотемное животное не назвала, но я подумала — оно явно дикое, скорее всего, хищник.

Вино было допито, и Ру, вернувшись к бару, приготовила коктейли с таким видом, будто это был её дом, хотя продолжать нам явно не стоило — разговор стал громким и грубым, все старались перекричать друг дру-